

Faryno, J. Живопись кологривовской панорамы и мучного городка. (Археопэтика «Доктора Живаго» 4.) / J. Faryno // *Studia Filologiczne* z. 35, *Filologia Rosyjska*. – 1991. – №4. – С. 5-49.

Faryno, J. Муаровая капуста и тетрадь откровения (Археопэтика «Доктора Живаго» 2.) / J. Faryno // *Studia Slavica Hungarica*. – 2011. – 56. – С. 133-190.

Graves, R. *The Greek Myths*. Vol. 1-2. / R. Graves – London: Penguin Books, 1973. – Vol. I. – P. 370 – Vol. II. – P. 412.

Han, A. *Borisz Paszternak: Zsivago Doktor*. / A. Han // *Huszonöt fontos orosz regény* (szerk. Zs. Hetényi). – Budapest: Lord-Maecenas, 1996. – С. 289-303.

Kákosy, L. *Fény és Káosz. A kopt gnosztikus kódexek*/ L. Kákosy – Budapest: Gondolat, 1984. – P. 229.

Kerényi, K. *Der göttliche Arzt. Studien über Asklepios und seine Kultstätten* / K. Kerényi. – Darmstadt: Herman Genther Verlag, 1956. – С. XXIII, 111.

Kerényi, K. *Der Mythologie der Griechen Bd. 1-2* / K. Kerényi – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1966, – Bd. 1– 243. – P., Bd. 2/ – 340 p.

Madarász, I. „*Költők legmagasabbika...*” *Dante-tanulmányok* / I. Madarász – Budapest: Hugarovox, 2001. – P. 110.

Mossman, E. *Towards the Poetics of the Novel „Doctor Zhivago”*/ E. Mossman // *Boris Pasternak and His Times. Selected papers from the 2. International Symposium on Pasternak*. (Jerusalem, May 19-24, 1984). / ed. by Lazar Fleishman – Berkeley, 1989. – P. 386-397. – (Серия: [Berkeley Slavic Specialties](#)).

Novalis *Schriften* Bd. I-VI. / Novalis – Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1960–1999.

Peterson, R. E. *Andrej Belyj and Nikolaj N. Vedenyapin* / R.E. Peterson // *Wiener Slawistischer Almanach*. –1982, – Bd. 9. – P. 111-117.

Szerb, A. *Magyar irodalomtörténet* / A. Szerb. – Budapest: Magvető, 1982. – P. 594.

Szilárd, L. *Andrej Belij és a szimbolista regény poétikája* / L. Szilárd. – Budapest: Széphalom Könyvműhely, 2002. – P. 207.

Роман Бобрык¹*Институт польской филологии и прикладной лингвистики
Естественно-гуманитарного университета (г. Седльце)***МОТИВ ЗВЕЗДЫ В ПОЭЗИИ ЗБИГНЕВА ХЕРБЕРТА**

В статье анализируется один из общепозитических мотивов в творчестве Збигнева Херберта, польского поэта XX в. – «поэта культуры», оригинально обыгрывающего в своей поэзии сюжеты мировой литературы, живописи и т.д., в аспекте поэтического языка. Исследуется феномен полисемантизма, базирующегося на амбивалентной семантике звезды. Дешифруются полярная семантика звезды, механизмы «приращения смысла», связанные с «точками зрения», скрытыми и сопряженными в поэтическом образе. Показано, как концептуализация звезды, вбирая в себя парадигму значений, порождает индивидуальную семантику (отсутствующая звезда, далекая звезда и т.д.), связанную с поэтическим творчеством.

Ключевые слова: внутренняя организация, интерпретация, концептуализация, миф, мотив, «поэт культуры», поэтическая семантика, символика, текст.

Roman Bobryk

*Institut Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej,
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
Institute of Polish Language and Literature and Applied
Linguistics, University of Natural Sciences and Humanities in
Siedlce*

THE THEME OF A STAR IN POETRY BY ZBIGNIEW HERBERT

The article analyzes one of the common poetry motives in the works by Zbigniew Herbert, a Polish poet of the 20th century – “a poet of culture” who could play up originally and masterfully episodes from the international literature, painting, etc., in the aspect of poetic language. In the article, the phenomenon of polysemanticity, based on the ambivalent

¹ Бобрык Роман – сотрудник Института польской филологии и прикладной лингвистики Естественно-гуманитарного университета в г. Седльце (Польша)

semantics of a star is disclosed. The author deciphers the polar semantics of a star, mechanisms of “meaning build-up” associated with “points of view”, hidden and related in a poetic imagery. The author discloses how the conceptualization of a star, absorbing a whole paradigm of meaning, gives rise to subjective semantics (an unseen star, a distant star, etc.) associated with poetry writing.

Keywords: internal structure, interpretation, conceptualization, a myth, a motive, “a poet of culture”, semantics of poetry, symbolism, a text.

Збигнев Херберт [Zbigniew Herbert – 29.10.1924, Львов – 28.07.1998, Варшава] считается одним из самых известных и самых выдающихся польских поэтов XX века. Его стихотворения и эссе переводились (обычно самыми хорошими переводчиками) на почти сорок языков, а он сам является лауреатом многих международных литературных премий (в том числе премии Николаса Ленау, 1965), Гердера, 1973), Петрарки, 1978), Иерусалимской премии, 1991) и премии Т.С. Элиота, 1995).

Херберт писал (а точнее – публиковал) относительно мало. Все изданные при его жизни² стихотворения и поэтическая проза (приблизительно 400 текстов собранных в 9-ти сборниках) составляют лишь один (правда, что крупный) том (см.: Herbert, 2008). К этому следует еще добавить 3 тома эссе³, 5 кратких пьес и разные критические и публицистические статьи, которые всю свою жизнь поэт печатал в польских и зарубежных журналах.

² Самые ранние стихотворения, которые после смерти поэта обнаружили исследователи в его архиве, написаны в 1948 году, но его поэтическим дебютом являются три стихотворения, напечатанные в 37-ом номере журнала „Dziś i Jutro” в 1950 году (если верить словам Херберта, они были опубликованы без его согласия).

³ Причем при жизни Херберта вышли всего 2 тома: *Barbarzyńca w ogrodzie* [Варвар в саду] (1962) и *Martwa natura z wędzidłem* [Натюрморт с удилами] (1993). Третий – *Labirynt nad morzem* [Лабиринт на море], хотя автор отдал его в издательство в 1973 году, по разным причинам (прежде всего, как можно догадаться, связанных с цензурой) был издан уже после смерти Херберта в 2000 году. В 2001 году вышел еще сборник *Król mrówek. Prywatna mitologia* [Муравьиный царь. Личная мифология], над которым писатель работал последние 20 лет своей жизни.

В разного рода литературных энциклопедиях и учебных пособиях Збигнева Херберта определяют обычно как «поэта культуры» (поскольку во всем своем творчестве он часто обращается к известным сюжетам европейской культуры, историческим персонажам и шедеврам искусства) и как поэта-моралиста (на такую его характеристику повлияли в первую очередь его стихотворения типа *Kołatka* [*Колотушка*] *Przesłanie Pana Cogito* [*Послание Господина Когито*] и некоторые из его высказываний в интервью и публицистике). Исследователи причисляют Херберта к поэтам-традиционалистам, добавляя при этом, что в случае его стихотворений разные общекультурные мотивы подвергнуты авторской интерпретации и получают иронический оттенок. При этом работы о творчестве Херберта обычно сосредоточены на «содержании» его текстов и почти не затрагивают проблематику, связанную с языковым (и, так сказать, поэтическим – в якобсоновском смысле) их аспектом⁴. В очень слабой степени разработана и проблематика, связанная с семантикой определенных мотивов в его творчестве⁵. И именно этой проблематике – а, точнее, мотиву звезды – и посвящена предлагаемая статья.

Кстати сказать, мотив звезды относительно часто встречается в юношеских сборниках стихотворений Херберта. Внешне кажется, что такой факт ничего не предопределяет – звезда очень популярна в поэзии вообще (особенно же в польской лирике). Интересен при этом

⁴ В последнее годы, после того, как семья поэта передала его архив в Национальную библиотеку в Варшаве, разные издательства стали печатать неизданные (часто незавершенные или не предназначенные автором для печати) тексты Херберта. Исследовательские же работы, касающиеся этой части авторского наследия Херберта, привели в конце концов к дискуссии о том, что следует считать «хербертовским текстом» – всё, им написанное (и сохранившееся), или только то, что выходило при жизни поэта и печаталось с его разрешения (см. запись дискуссии во время конференции, проходившей в Варшавском университете в 80-ю годовщину со дня рождения Херберта в [*Portret...* 2005, с. 384-387, 388-389].

⁵ Относительно хорошо в этом отношении разработана тема цветообозначений в поэзии Херберта [см.: Badyda, 2008], и, кроме того, проблематика города (в том числе родного города поэта – Львова [см.: Bobryk, 2005b, Żebrowski, 2011], тела [см.: Bobryk, 2005a, Cieślak, 1993] и музыки [см.: Mikołajczak, 2002, Wiatr, 2001].

и тот факт, что после двух первых сборников стихотворений, в очередных – мотива звезды у Херберта уже почти нет, а потом «возобновляется», но часто нагружается совсем другой семантикой, чем в юношеских текстах поэта.

Что касается самой культурной символики звезды, то в древнегреческой и древнеримской культурах звезды отождествлялись с божеством (отсюда и возникло наименование некоторых планет. [См.: Холл, 1996, с. 243]). Такую же символику они имеют и в христианстве (см. хотя бы «связь» Рождества Христова с вифлеемской звездой, изображения Девы Марии в нимбе-венце из двенадцати звезд или ее определения типа *Stella Maris* [звезда моря]). Кроме того, в *Библии* звезды, из-за своей многочисленности и своего «цвета» (они сияют на темном/черном небе), получают и семантику, связанную с добродетелью⁶, богатством и красотой⁷.

Во многих культурах до сих пор сохранилось убеждение, что именно в звездах записана судьба человека (или что они вообще оказывают влияние на «земные» события [см.: *Славянские древности...*, 1999, с. 290]) и другое о том, что всякому человеку положена своя звезда, которая потухает тогда, когда он умирает⁸.

Эта семантика звезд как будто присутствует в поэтическом творчестве Збигнева Херберта, но присутствуют, скажем, только косвенным образом. Речь идет о том, что в стихотворениях Херберта вся культурная символика звезды является исходной точкой для построения собственной семантики мотива, формируя своеобразный контекст.

Ясно, что Херберт употребляет в своих стихотворениях слово «звезда» и в его «обычном», общеязыковом смысле, а точнее, в его

⁶ В *Ветхом завете* Бог обещал Аврааму, что у него будет столько потомков, сколько звезд на небе [см.: *Бытие* 15, 5]. В народных представлениях, в свою очередь, звезды определяются как «глаза» Бога или окна, через которые он ночью смотрит на людей [см.: *Славянские древности...* 1999, с. 291].

⁷ О библейской и христианской символике звезд [см., например: Forstner, 2001, с. 101-104; Lurker, 1989, с. 64-65]. О борьбе христианства с древним культом звезд и их «переосмыслении» [см. *Słownik teologii...* 1994, с. 315-316].

⁸ О таком осмыслении звезды [см. *Славянские древности...* 1999, с. 291; *Słownik stereotypów...* 1996, с. 207]. Что касается таких соображений, то отсюда можно констатировать, что в народном мышлении звезда связана с душой (как животворным элементом).

разных смыслах, обыгрывая при этом его многозначность⁹. Ср. хотя бы стихотворение *Isadora Duncan* из сборника *Raport z Oblężonego Miasta i inne wiersze* (1983¹⁰):

Krótko ale namiętnie jak wszystko co robiła
pokochała młodziutki Kraj Rad i Lenina
Gwiazda zawisła na szyi Maszynisty Dziejów

Niestety żadna z tego nie wynikła iskra
Izydora nudziła jeszcze Ciężki Przemysł i Rolnictwo
rewolucja w miękkich płasach jest i była snem
(Herbert, 1992a: 82)

[Коротко, но страстно, как все то, что делала,
Влюбилась в молоденькую Страну Советов и Ленина
Звезда повисла на шее Машиниста Истории

К сожалению, никакая от этого не возникла искра.
Айседора была еще занудой
для Тяжелой Индустрии и Сельского Хозяйства,
революция в мягких плясках есть и была лишь сном]¹¹

В контексте стихотворения определение «Звезда» относится, бесспорно, к заглавной героине – американской танцовщице и основательнице свободного танца. То, что она «повисла на шее» Ленина, на самом элементарном уровне реального мира, можно толковать просто как описание эмоционального приветствия двух персонажей (которые обнимаются или один вешается другому на шею). Но, поскольку на уровне языка описания говорится, что «Звезда повисла на шее» (а не, что она, или Айседора, «повисла»), то сама

⁹ В современном польском языке можно выделить минимум 4 разные осмысления слова «gwiazda» [звезда]: 1) космическое (небесное) тело, излучающее свет; 2) предмет, имеющий много лучей, исходящих из одной точки; 3) отличие в форме звезды; 4) «звезда» – выдающийся, славный человек (раньше, прежде всего, актер или певец, артист эстрады).

¹⁰ Сборник впервые вышел в печати в Париже в 1983 году. Первое издание в Польше [см.: Herbert, 1992a].

¹¹ Если не указывается иначе, в квадратных скобках даются мои филологические переводы стихотворений Херберта – Р.Б.

героиня получает здесь и черты звезды-награды (ордена). Тем самым можно подразумевать, что поступки Дункан интерпретируются в данном случае как своеобразная награда для Ленина и его дела.

В стихотворениях *Sprawozdanie z raju* [в русском переводе вышло как *Репортаж израя*]¹² и *Ojcowie gwiazdy* [*Отцы звезды*] Херберт обращается в свою очередь к культурной символике звезды, связанной с апокалипсическими видениями конца света. В обоих стихотворениях «звезда» является своеобразным «орудием» уничтожения. Причем если в случае первого из упомянутых стихотворений под «звездой» понимается просто космическое тело¹³ («Po deszczu gwiazd / na łące porośnięta»), то во втором «звездой» – называется изобретенное человеком «оружие» – бомба.

Некие сходства с такой семантикой/символикой можно найти и в способе концептуализации звезды в стихотворении *Mademoiselle Corday* [*Мадемуазель Корде*] из сборника *Rovigo* (1992). В начальных строках говорится здесь:

W sukni sinej jak skała – Charlotte’a – słomkowy kapeluszek
dwie wstążki mocno zaciśnięte pod brodą – pochyła się nad Maratem
i szybciej niż spadająca gwiazda – wymierza sprawiedliwość
[Herbert, 1992в, с. 16]

В народных представлениях падение звезды (падающая звезда) часто означает «смерть ее земного двойника», т.е. человека [см. *Славянские древности...* 1999, с. 292]. Можно отсюда утверждать, что стихотворение Херберта почти повторяет народный миф. Дело, однако, в том, что если падающая звезда (=смерть) осмысливается здесь как «орудие» справедливости (согласно поговоркам типа «Śmierć nie rychliwa ale sprawiedliwa»), то, убивая Марата, Мадемуазель Корде упреждает (опережает) эту справедливость.¹⁴

¹² Стихотворение было напечатано в сборнике *Hermes, pies i gwiazda* (1957). В переводе на русский Андрея Базилевского его можно прочесть на сайте: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj42/herbert.html> (18.08.2013).

¹³ С «научной» точки зрения здесь, по всей вероятности, речь идет о метеоритах и метеорах.

¹⁴ Падающая звезда, в силу того, что она видна всего лишь как мгновенный сверкающий прочерк на небе, в определенной степени может здесь ассоциироваться и с орудием, которым воспользовалась Шарлотта Корде – кухонным ножом.

Совсем же по-другому можно рассматривать мотив звезды в случае поэтической прозы *Pan Cogito spotyka w Luwrze posążek Wielkiej Matki* [Господин Когито встречается в Лувре статуэтку Великой Матери] из сборника *Pan Cogito* (1974). Заключение этого произведения («w gablotce Matka opuszczona / patrzy zdziwionym okiem gwiazdy» [в застекленном шкафчике Мать одинокая / смотрит удивленным глазом звезды]) обращается, по всей вероятности, к мифическим представлениям, согласно которым, звезды – это глаза божества.

«ОТСУТСТВУЮЩАЯ ЗВЕЗДА»...

В дебютном сборнике стихотворений Херберта *Струна света* (1956) дважды – в стихотворениях *Dom* [Дом] и *Struna* [Струна] – встречается определение «nieobecna gwiazda» [отсутствующая звезда]. В случае стихотворения *Дом* ее надо, по всей вероятности рассматривать в категориях потерянного пространства:

Dom nad porami roku
dom dzieci zwierząt i jabłek
kwadrat pustej przestrzeni
pod nieobecną gwiazdą

dom był lunetą dzieciństwa
dom był skórą wzruszenia
policzkiem siostry
gałęzią drzewa

policzek zdmuchnął płomień
gałąź przekreślił pocisk
nad sypkim popiołem gniazda
piosenka bezdomnej piechoty

dom jest sześcianem dzieciństwa
dom jest kostką wzruszenia
skrzydło spalonej siostry
liść umarłego drzewa [Herbert, 1994, с. 7]

Первые строки стихотворения можно рассматривать как общее введение, как попытку лирического «я» определить, что такое «дом».

При этом это определение имеет как будто внешний характер. Но, одновременно уже в этом первоначальном определении можно найти некие отрицательные черты. Ясно при том, что они не относятся прямо к дому, который в большинстве культур является символом безопасности и «своим» пространством (в отличие от «чужого» пространства вне дома). «Пустоту» и «геометричность» («квадрат») пространства и отсутствие звезды можно, по всей вероятности, рассматривать как своеобразные признаки потери/отсутствия самого дома (если же нет дома, тогда нет и сияющей над ним звезды).

Все стихотворение строится по принципу сопоставления прошлого времени (идиллического) с современностью. В таком сопоставлении обнаруживаются, прежде всего, перемены заглавного дома. В прошлом он считался «подзорной трубой», (т.е. весь мир воспринимался в ее перспективе и через эту призму) и «кожей волнения» (что можно понимать как своеобразное (по-)средство чувственного восприятия мира). С домом связываются самые теплые семейные воспоминания. Но, этот идиллический мир принадлежит уже только прошлому, поскольку он основательно уничтожен (сгорел¹⁵ во время войны).

Исследователи обращают внимание на факт, что в стихотворении Херберта имеется не только разграничение времени по оси «мир – война», но и по оси человеческой жизни «детство – взрослость» [см.: Ораска-Walasek, 2001, с. 62-67; см. также: Legeżyńska, 1996, с. 96-97]. В мире прошлого (детства) дом видится как будто изнутри (мир осматривается изнутри «квадрата»), тогда как во время взрослости он описывается извне. Поэтому и дается только его внешняя форма («куб», «костяшка»), причем последовательность этих определений подсказывает, что он постепенно уменьшается (забывается/уходит из памяти).

Что касается «отсутствующей звезды», то, по всей вероятности, она является здесь еще одним элементом потерянного мира детства и потерянного домашнего пространства.

Несколько иначе дело обстоит в случае стихотворения *Струна*:

Ptaki zostawiają

¹⁵ Само собой разумеется, что «пожар» имеет здесь не только буквальный смысл, а является одновременно и метафорическим определением войны. Так же надо понимать и сгоревшее «гнездо», которое является синонимом дома (ср. польск. «gniazdo rodzinne» как определение родного дома).

w gnieździe swoje cienie
zostaw tedy lampę
instrument i książkę
chodźmy do pagórka
gdzie rośnie powietrze
gwiazdę nieobecną
pokażę ci palcem
głęboko pod darnią
są tkliwe korzonki
źródełka obłoków
które biją czysto
wiatr przyłoży usta
abyśmy śpiewali
my zmarszczymy czoła
nie powiemy słowa
chmury aureole mają
tak jak święci
my mamy kamyki
czarne zamiast oczu
bliznę po odejściu
dobra leczy pamięć
może zejda blaski
po schylonych plecach
zaprawdę zaprawdę powiadam wam
wielka jest przepaść
między nami
a światłem [Herbert, 1994, c. 39-40]¹⁶

¹⁶

Анализ этого стихотворения см.: [Łukasiewicz, 1995, c. 19-25].

На первый взгляд, все стихотворение можно рассматривать как поэтизированное приглашение на прогулку, имеющее типичные черты онирического видения (хотя бы потому, что говорящий обещает показать невидимое – «отсутствующую звезду»). Такому прочтению противоречит, однако, хотя бы высказываемое с другой точки зрения (на другом уровне) и прямо обращающееся к евангельским притчам заключение (последняя строфа). И именно вследствие «цитатности» заключительных строк можно подразумевать, что все стихотворение является чем-то вроде современной притчи.

Первое двустишие можно рассматривать как общую сентенцию, которая в сопоставлении со второй строфой строит параллель между птицами и человеком и между тенью и предметами («инструментами»). Все это оправдывает в некоей степени предложенную Яцеком Лукасевичем интерпретацию птицы как символа человеческой души. Отсюда же понятным станет и обещание «отсутствующую звезду / пальцем тебе покажу» и особое восприятие природы/мира говорящим «я». С другой стороны, и место, куда предлагает прогуляться «я», и «предмет», который он хочет показать «ты» можно рассматривать и в другом ключе, как обладающие отрицательными чертами. Если сказать, что где-то «растет воздух», то само по себе подразумевается, что там – пусто, что вообще ничто не растет и ничего нет. В контексте же «отсутствующей звезды» можно сказать, что всему миру стихотворения, а особенно пространству, свойственно отсутствие чего-то или же кого-то, поскольку в одном из последних двустиший говорится, что «шрам от ухода [смерти – *Р.Б.*] / сладкая лечит память».

По-разному (многозначно) можно при этом читать большинство приведенных (возможных, поскольку вся речь относится к будущему – она высказывается в грамматической форме будущего времени) в стихотворении образов. Некоторые из них объясняются чисто бытовыми явлениями (например, «нимбы туч» можно рассматривать как поэтическое описание освещенных солнцем облаков), но в мире стихотворения они получают и другие осмысления. Все это происходит, в первую очередь, из самой внутренней организации мира стихотворения, который построен по принципу ряда оппозиционных свойств/черт: «корешки» – «облака», «пение» – «молчание» (а в таком контексте и «губы» – «лоб»), «блеск» и «ореол» – «черные камушки вместо глаз». При этом возникает впечатление, что в мире стихотворения людям («я» и «ты» = «мы») свойственна

своеобразная мертвенность (они будут молчать, вместо глаз у них камушки), тем временем, когда природа оказывается здесь активной, динамической и вообще живой (ветер антропоморфизмуется – получает «уста» и заведует «пением»). В итоге можно предполагать, что такое осмысление мира – результат осознания «отсутствия» (чего-то).

Вернемся к финальной строфе. В свете всего стихотворения притчевая стилистика употреблена здесь немножко иронически. Ясно, что в созданном в стихотворении мире говорящий (и, что позволительно подразумевать, учитывая заключение, – человечество вообще) связан со сферой «земли» и конкретики, но привлечение для такого высказывания стилистики евангельской притчи повышает его ранг и степень обобщения, с одной стороны, с другой же – ввиду статуса самого говорящего – может одновременно и принижать.

Заглавие этого стихотворения Хертерта (*Струна*), на первый взгляд, не имеет никакой связи с его текстом. Тогда можно считать, что здесь мы имеем дело с метафорическим определением/названием содержания. Если же учесть очевидность, что «струна» является основной, сущностной (порождающей звук) частью струнных инструментов, то аналогично, тема и смысл стихотворения должны играть такую же роль. Остается вопрос, в каком «инструменте» должна «звучать» такая «струна»? Поскольку среди струнных инструментов есть и арфы и лиры, то не рискованно будет сказать, что тут речь о поэзии (поэтической лире), а в итоге – о самом творчестве автора. Если так посмотреть, то и в предметном перечне второго двустишия возможно видеть отсылку к ‘мусическому началу’ – «Оставь тогда лампу инструмент и книгу» состоит из набора атрибутов творчества (в натюрмортах типа *strumenti musicali* – вдохновленного музыкального, в портретах – поэтического или метафизического).

ДАЛЕКАЯ ЗВЕЗДА

В поэтической прозе *Mur [Стена]* из сборника *Hermes pies i gwiazda* (1957) звезда (и дерево) находятся по другую сторону стены, лицом к которой стоят некие «мы»(-смертники):

Stoimy pod murem. Zdjęto nam młodość jak koszulę
skazańcom. Czekamy. Zanim tłusta kula usiądzie na karku,
mija dziesięć, dwadzieścia lat. Mur jest wysoki i mocny. Za

murem jest drzewo i gwiazda. Drzewo podważa mur korzeniami. Gwiazda nagryza kamień jak mysz. Za sto, dwieście lat będzie już małe okienko. [Herbert, 2008, с. 190]

Звезда здесь принадлежит к другому миру, чем говорящее «мы». В роли границы здесь заглавная стена. Сторона, на которой находится субъект, наделена тюремными или лагерными признаками, а все, стоящие по эту сторону стены («мы»), считают себе смертниками (хотя не знают, когда их расстреляют). Все элементы мира этой стороны концептуализированы отрицательно: «жители» не только (будущие) смертники – они вообще лишены молодости («сняли с нас молодость, будто рубашку со смертников»), что следует, по всей вероятности, понимать как время радости, беззаботности и свободы, начало жизни), а пуля получает черты мухи – «Пока жирная пуля не сядет на затылок, проходит десять, двадцать лет» (которая имеет в культуре отрицательную, демоническую символику [см.: Kobielus, 2002, с. 215-217; *Leksykon...* 1992, с. 100]). Находящееся с другой стороны стены дерево и звезда отделены от мира «мы» непреодолимой границей. Они же принадлежат к пространству широко понимаемой природы со всем ее положительным культурным осмыслением. Поскольку дерево и звезда являются в мире произведения единственными элементами области «за стеной», а в реальном мире дерево и звезда принадлежат к разным пространствам (по отношению к символическим категориям звезду надо соотносить с «верхом», а дерево – с «низом»), то их следует рассматривать как оппозиционную пару элементов. С другой же стороны, они составляют некое целое, единство, которое усиливается ввиду их общего стремления разрушить стену.

Звезда в прозе *Mur* – нечто далекое, недостижимое для тех, кто находится по эту сторону стены. И хотя она наделяется здесь положительными свойствами (хочет уничтожить стену и освободить «мы»), оказывается слишком далекой и слабой («Звезда подгрызает камень как мышь. Лет через сто, двести уже получится крохотное окошко»)¹⁷.

По-другому концептуализируется звезда в стихотворении *Trzy wiersze z pamięci* [*Три стихотворения наизусть*] из сборника *Struna światła* (1956). Все стихотворение можно рассматривать как

¹⁷

Произведение можно рассматривать как аллегорическое описание ситуации Польши и других стран соцлагеря.

поэтическое описание уничтожения города и его жителей. В заключении говорится следующее:

teraz wargi Poety
są pustym horyzontem
ptaki dzieci i żony nie mogą mieszkać
w żałobnych skorupach miasta
w ostygniętych puchach popiołów

miasto stoi nad wodą
gładką jak pamięć lustra
odbija się w wodzie od dna

i leci na gwiazdę wysoką
gdzie pożar pachnie odległe
jak karta Iliady [Herbert, 1994, с. 12]

Звезда и здесь определяется как далекая («высокая» – т.е. находится высоко по отношению к земле/городу). В мире стихотворения она совсем «нейтральна», никак не связана с тем, что происходит на земле. На уровне языка описания она связана со «страницей Илиады», т.е. с высокой, героической поэзией. Поскольку разрушенный/уничтоженный город «летит на звезду», тогда можно подразумевать, что, с одной стороны, он постепенно уходит из человеческой памяти и начинает являться чем-то чужим¹⁸, но, с другой, он, как и Троя, может стать темой поэзии.

ЗВЕЗДА И ПОЭЗИЯ

Именно связь звезды со сферой поэзии является наиболее частой в поэтическом творчестве Херберта.

В построенном по принципу перечисления действий «Я» стихотворении *Napis* [*Надпись*] из дебютного сборника Херберта *Струна света* звезда упоминается в заключительных строфах следующим образом и является лишь темой стихотворения:

¹⁸ Так именно и воспринимают читатели гомеровское повествование об уничтожении Трои.

[...]
powtarzam wiersz który chciałbym
przetłumaczyć na sanskryt
lub piramidę:

gdy wyschnie źródło gwiazd
będziemy świecić nocom

gdy skamienieje wiatr
będziemy wzruszać powietrze [Herbert, 1994, c. 19]

[<...>

повторяю стих
я бы хотел
перевести его на санскрит
или на язык пирамид:

когда пересохнет источник звезд –
будем светить ночами

когда ветер окаменеет –
воздух разворошим]¹⁹

В другом стихотворении из того же сборника – *Wersety panteisty* [*Стихи/строфы пантеиста*] связь звезды с поэзией проявляется в том, что поэт обращается к ней (звезде) с просьбой:

Ztrać mnie gwiazdo
– mówi poeta –
przeszyj mnie strzałą odległości

wypij mnie źródło
– mówi pijący –
do dna mnie wypij do nicości

¹⁹ Перевел Глеб Ходорковский. Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2009/06/16/6423> - (19.08.2013).

niech mnie wydadzą dobre oczy
pożerającym krajobrazom

słowa co miały chronić ciało
niech mi przepaści przyprowadzą

gwiazda w czoło korzeń zapaści
źródło twarz mi odczłowieczy

potem obudzisz się milczący
w dłoniach bezruchu
w sercu rzeczy [Herbert, 1994, s. 55]

Это стихотворение построено по принципу «наоборотности / инверсии действий» – пьющий хочет быть водой/источником для источника, человек хочет быть осматриваемым пейзажами (буквально: «поедаемым пейзажами» от также и польского фразеологизма «поедать / пожирать глазами»). Отсюда можно считать, что аналогическая ситуация имеет место и в случае звезды, которая, как можно судить, является мечтой поэта из-за своей отдаленности, недостижимости и исчезновения. Поскольку в предпоследней строфе лирическое «я» говорит (предугадывает), что «звезда мне в чело корни пустит», а «источник лицо мне обесчеловечит» (что можно понимать метафорически, как своеобразную навязчивую идею, и буквально, как своеобразное соединение со звездой), а в последней строфе речь идет о пробуждении «в молчании», «в ладонях неподвижности» и «в сердцевине вещей», можно подразумевать, что такое достижение мечты отождествлено в мире стихотворения со смертью, понимаемой, однако, как полное растворение в природе (отождествление с природой).

Связь мотива звезды с поэзией в творчестве Херберта заметна и в случае стихотворения *Wybrańcy gwiazd* [*Избранники звезд*] из сборника *Hermes pies i gwiazda* (1957):

To nie anioł
to jest poeta

nie ma skrzydeł
ma tylko upierzoną
prawą dłoń

bije tą dłonią w powietrze
ulatuje na trzy cale
i zaraz znów opada

kiedy jest całkiem nisko
odbija się nogami
na chwilę zawisa w górze
wymachując upierzona dłonią

ach gdyby oderwać się od przyciągania gliny
móglby zamieszkać w gnieździe gwiazd
móglby skakać z promienia na promień
móglby –

ale gwiazdy
na samą myśl
że byłyby jego ziemią
przeżalone spadają

poeta przesłania oczy
upierzoną dłonią
nie marzy już o locie
ale o upadku
co kreśli jak błyskawica
profil nieskończoności [Herbert, 2008, s. 104-105]

Стихотворение можно квалифицировать как «поэзию о поэзии», т.е. с определенной точки зрения его можно было бы рассматривать как автоматическое. Дело, однако, в том, что хотя Херберт и пишет здесь о поэте, то на самом деле он подходит к этой теме критически и иронически.

Начало стихотворения можно понимать как своеобразное уточнение или опровержение. Констатация «Это не ангел / это поэт», с одной стороны, подсказывает некое сходство этих двух «сущностей», с другой же, выводит из заблуждения и не разрешает их перепутать. Очередные строки усугубляют это различие, перечисляя разное между поэтом и ангелом. При этом Херберт обыгрывает многозначность слова «перо». «Оперенная рука» поэта, хотя само определение подсказывает связь/сходство с птицей или ангелом и крыльями,

отсылает просто к перу как «письменной принадлежности» и атрибуту поэта. Причем поэтическое творчество является в мире стихотворения с некой точки зрения очень тяжелым и почти безнадежным занятием, поскольку поэт, хотя постоянно мечтает вознестись к звездам, «поднимается/улетает» лишь «на три дюйма» и «сразу же опять падает». Тем самым творчество не соответствует его ожиданию и вместо «высокой» – в буквальном и метафорическом смысле – тематики – «низкие» проблемы повседневности. Звезда же выступает здесь в двойном смысле. С одной стороны, в мире стихотворения она – нечто недостижимое, с другой же относительно отчетливо осмысляется метафорически – как идеал/идея (согласно популярному латинскому изречению *per aspera ad astra*, т.е. «через тернии к звездам»).

Поэт однако не в состоянии «оторваться от притяжения глины», от простых бытовых проблем повседневности, в силу чего постепенно теряются/исчезают (или, с другой точки зрения, снижаются) и сами идеалы. Поэт же, из-за невозможности достигнуть (выразить) «высокие» идеи, пытается повысить ранг своих «обычных» занятий/своего типичного творчества и переосмыслить его. Дело в том, что все свои неудачи и несостоявшиеся «полеты / вознесения» он пытается сравнить с полетом Икара. Как известно, миф об Икаре часто читается как повествование о том, что человек стремится преодолеть свою ограниченность, высоко метит; даже если ему не повезет, то сама попытка такого преодоления делает его в некоем смысле бессмертным героем.

В свете всего произведения выдвинутое в заглавии определение поэта как избранника звезд оказывается ироническим хотя бы потому, что в стихотворении (предпоследняя строфа) звезды «ужасаются» «на самое мысль быть землей поэта» и – «в ужасе падают». Именно этот «отказ (звезд)» следует рассматривать как своего рода форму избрания, а тем самым и всю судьбу поэта надо было бы считать плодом его творческих неудач. Следует при этом подчеркнуть и такой факт, что Херберт обнажает и одновременно высмеивает здесь и сам способ говорить о поэзии.

Еще иначе выглядит связь мотива звезды с поэзией/литературой (а в данном случае и с культурой/мифом вообще) в случае известного стихотворения *Tren Fortynbrasa* [*Трен Фортинбраса*] из сборника *Studium przedmiotu* (1961)²⁰. Все стихотворение является своеобразным

²⁰ *Трен Фортинбраса* является, по всей вероятности, наиболее часто анализированным стихотворением Херберта [см.: Balbus, 1993,

продолжением драмы *Гамлет* Шекспира и имеет форму монолога Фортинбраса, обращенного к мертвому, лежащему перед ним Гамлету (труп). Причем говорящий разговаривает с ним, как с живым человеком (в самом начале он говорит «Теперь, оставшись одни, мы можем с тобой побеседовать, принц, как мужчина с мужчиной»²¹). Дальнейшие слова говорящего свидетельствуют о том, что на самом деле он спорит не столько с самим Гамлетом (что было бы удивительно), сколько с олицетворяемой им идеей. Следуя за словами самого Фортинбраса это со/противопоставление позволительно определить как спор между «кристальными понятиями» Гамлета и олицетворяемой Фортинбрасом «человеческой глиной». Аргументы Фортинбраса имеют чисто прагматический характер, а его намерения и общее видение мира связаны с самыми прозаическими проблемами («czeka na mnie projekt kanalizacji /i dekret w sprawie prostytutek i żebraków» [мне пора обратиться к проекту канализации / и к декрету о проститутках и нищих]).

В конце своего монолога Фортинбрас говорит Гамлету:

Żegnaj książę czeka mnie projekt kanalizacji
i dekret w sprawie prostytutek i żebraków
muszę także obmyślić lepszy system więzień
gdyż jak zauważyłeś słusznie Dania jest więzieniem
Odchodzę do moich spraw Dziś w nocy urodzi się
gwiazda Hamlet Nigdy się nie spotkamy
to co po mnie zostanie nie będzie przedmiotem tragedii

Ani nam witać się ani żegnać żyjemy na archipelagach
a ta woda te słowa cóż mogą cóż mogą książę

[Прощай же, принц, мне пора обратиться к проекту канализации
и к декрету о проститутках и нищих,
я должен также обдумать улучшение системы тюрем,

Bobryk, 2006б, Kamińska, 1974, Mikołajczak, 2004, с. 135-151, Ruszar, 2004, с. 81-173, Sławiński, 1998, Wyka, 1977, Zeler, 2000].

²¹ Перевод Владимира Британишского [Цит. по Астафьева Н., Британишский В. 2000, с. 135]. Текст см. также, например, на сайте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://favorite-verses.livejournal.com/133139.html?nojs=1&mode=reply> (22.08.2013).

ведь Дания это тюрьма, как ты справедливо заметил.
 Пора заняться делами. Сегодня ночью родится
 звезда по имени Гамлет. А мы уже не столкнемся,
 то, что останется после меня, не будет предметом трагедии

Ни встречаться нам, ни прощаться, живем мы на архипелагах
 а вода эта, эти слова, что ж могут, что ж могут, принц]

В таком контексте рождение/возникновение звезды отождествляется с порождением мифа. «Звезда Гамлет» однозначно локализует Гамлета и его идеи на вершине вертикальной оси мира стихотворения, тем временем, как Фортинбрас со своим «проектом канализации» локализуется в самом ее низу. Фортинбрас говорит при этом о себе: «то, что останется после меня, не будет предметом трагедии». Отсюда же можно подразумевать (а благодаря внетекстовым знаниям – знать), что Гамлет, его смерть и олицетворяемые им идеи являются именно «предметом трагедии»/литературы.

ЗВЕЗДА (И) СЕРДЦЕ...

В стихотворении *Objawienie* [Откровение] из сборника *Studium przedmiotu* лирический субъект пытается постичь «истину» и достичь совершенства, которое в мире этого стихотворения отождествляется со знанием:

dwa może trzy
 razy
 byłem pewny
 że dotknę istoty rzeczy
 i będę wiedział

tkanka mojej formuły
 z aluzji jak w *Fedonie*
 miała także ścisłość
 równania Heisenberga

siedziałem nieruchomo
 z załzawionymi oczami
 czułem jak stos pacierzowy
 wypełnia trzeźwa pewność

ziemia stanęła
niebo stanęło
moja nieruchomości
była prawie doskonała

zadzwoił listonosz
musiałem wylać brudną wodę
nastawić herbatę

Sziwa podniósł palec
sprzęty nieba i ziemi
zaczęły znowu wirować

wróciłem do pokoju
gdzież ten pokój doskonały
idea szklanki
rozlewała się na stole

usiadłem nieruchomo
z załzawionymi oczami
wypełniony pustką
to znaczy pożądaniem

jeśli zdarzy mi się to raz jeszcze
nie ruszy mnie ani dzwonek listonosza
ani wrzask aniołów

będę siedział
nieruchomy
zapatrzony
w serce rzeczy

martwą gwiazdę

czarną kroplę nieskończoności
[Herbert, 1995, c. 66]

Желательное совершенство тут тождественно неподвижности²² (что в определенной степени можно соотносить с древнегреческой философией бытия – отсюда и упоминается в тексте *Федон*, в котором речь идет о бессмертии души, которая является в таком контексте и в свете взглядов Платона идеальной формой бытия) и полной оторванностью от повседневной жизни. Причем состояние совершенства получает здесь как будто двойное «обоснование» – с одной стороны, оно связано с идеалистической философией и метафизикой, с другой же, с точными законами квантовой механики (хотя с иной точки зрения «уравнение Гейзенберга» можно рассматривать как чисто теоретическое²³).

Достигнуть желанное состояние герою не удастся из-за прихода почтальона, который в символическом плане является своеобразным звеном, связующим героя с миром. Отсюда в заключении «я» говорит, что в очередной раз его «не двигнет ни звонок почтальона / ни крик ангелов» – т.е. «посыльных», связующих его с земным, материальным миром и миром духовным.

После этого решения «я», продолжая свои проекты, говорит, что он будет сидеть

неподвижный
всмотревшийся
в сердцевину вещей²⁴
мертвую звезду

черную каплю бесконечности

²² С другой же стороны, и совершенство, и неподвижность связаны в поэтической системе Херберта со смертью/мертвостью. Получается здесь некий парадокс, но это тоже очень частая закономерность поэтики Херберта.

²³ В поэзии Херберта такие точные, научные мотивы (они у него встречаются относительно редко) получают обычно отрицательные черты (между прочим, они связываются с мотивикой смерти).

²⁴ Буквально: «в сердце вещей», польск. «w serce rzeczy» с неопределенностью грамматического числа словоформы «rzeczy», т.е., то ли «вещи», то ли «вещей».

Такое перечисление (будущих) «объектов» осмотра выстраивает парадигму тождественных/«синонимических» в мире стихотворения явлений: «сердце – звезда – бесконечность». Если пытаться определить общую семантику всех этих явлений, тогда их можно свести к тому, что это просто разные определения небытия.

По-другому осмысляется звезда в случае самого известного стихотворения Збигнева Херберта *Przesłanie Pana Cogito*²⁵ [*Послание Господина Когито*²⁶] из сборника *Pan Cogito* [*Господин Когито*] (1974):

Idź dokąd poszli tamci do ciemnego kresu
po złote runo nicości twoją ostatnią nagrodę

idź wyprostowany wśród tych co na kolanach
wśród odwróconych plecami i obalonych w proch

ocalałeś nie po to aby żyć
masz mało czasu trzeba dać świadectwo

bądź odważny gdy rozum zawodzi bądź odważny
w ostatecznym rachunku jedynie to się liczy

a Gniew twój bezsilny niech będzie jak morze
ilekroć usłyszysz głos poniżonych i bitych

niech nie opuszcza ciebie twoja siostra Pogarda
dla szpiclów katów tchórzy – oni wygrają

²⁵ По всей вероятности это стихотворение перепечатывается чаще всех других произведений поэта. Анализ *Послания...* см: [Bigaj, 2002, Karasek, 1997, Kłosiński, 2005, Kowalczyk, 1983, Łukasiewicz, 1995, с. 75-84, Maciejewski, 1992, Pawelec, 2009, Pawelec, 2011, Workowski, 2010, с. 183-185].

²⁶ На русский стихотворение переводилось несколько раз. Отсюда оно функционирует то как *Послание Господина Когито* (перевод Владимира Британишского [Астафева, Британишский, 2000, с. 156] и Ольги Чепельской см.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stihi.ru/2011/02/11/1464> - 25.08.2013]), то как *Напутствие господина Когито* (перевод С. Святского [См.: *Польская поэзия. XX век. Антология.* М., 1993, с. 184].

pójdą na twój pogrzeb i z ulgą rzuca grude
a kornik napisze twój uładzony życiorys

i nie przebaczą zaiste nie w twojej mocy
przebaczać w imieniu tych których zdradzono o świcie

strzeż się jednak dumy niepotrzebnej
oglądaj w lustrze swą błazeńską twarz
powtarzaj: zostałem powołany – czyż nie było lepszych

strzeż się oschłości serca kochaj źródło zaranne
ptaka o nieznanym imieniu dąb zimowy
światło na murze splendor nieba
one nie potrzebują twego ciepłego oddechu
są po to aby mówić: nikt cię nie pocieszy

czuwaj – kiedy światło na górach daje znak – wstań i idź
dopóki krew obraca w piersi twoją ciemną gwiazdę

powtarzaj stare zaklęcia ludzkości bajki i legendy
bo tak zdobędziesz dobro którego nie zdobędziesz
powtarzaj wielkie słowa powtarzaj je z uporem
jak ci co szli przez pustynię i ginęli w piasku
a nagrodzą cię za to tym co mają pod ręką
chłostą śmiechu zabójstwem na śmietniku

idź bo tylko tak będziesz przyjęty do grona zimnych czaszek
do grona twoich przodków: Gilgamesza Hektora Rolanda
obrońców królestwa bez kresu i miasta popiołów

Бądź wierny Idź [Herbert, 1993, c. 88-89]

[Иди, куда пошли те, к тёмному краю
за золотым руном, бренности твоей последней наградой

иди, распрямленный, среди этих, что на коленях,
среди обращенных спинами и низвергнутых в прах

ты уцелел не затем, чтобы жить

у тебя мало времени – надо дать показания

будь отважным, когда разум отказывает, будь отважным
в конечном итоге единственно это принимается в расчёт

а Гнев твой бессильный пусть будет как море
всякий раз, когда услышишь голос униженных и
побиваемых

пусть не оставляет тебя сестра твоя Презрение
к сыщикам, палачам, трусам – они выиграют
пойдут на твои похороны и с облегчением бросят ком
земли
а типограф создаст твое упорядоченное жизнеописание

и не прощай, воистину не в твоих силах
прощать от имени тех, кого предали на рассвете

остерегись однако ненужной гордости
поглядывай в зеркало на своё шутовское лицо
повторяй: я стал призванным – неужто не было лучших

остерегайся иссушения сердца, люби утренние родники
птицу с неизвестным именем, зимний дуб
свет на стене, сияние неба
они не требуют твоего тёплого дыхания
они есть для того, чтобы говорить: никто тебя не утешит

будь начеку – когда свет на вершинах подаёт знак –
встань и иди
пока кровь вращает в груди твою тёмную звезду

повторяй старые заклинания народа, сказки и легенды
ибо так добудешь благо, которого не добудешь
повторяй великие слова, повторяй их с упорством
как те, что шли через пустыню и погибли в песках
а наградят тебя за это – тем, что имеют под рукой
хлыстами смеха, убийством на мусорной свалке

иди, ибо только так будешь принят в круг холодных
 черепов
 в круг твоих предков: Гильгамеша, Гектора, Роланда
 защитников царства без границ и города-пепелища

Будь верен, иди]²⁷

Все стихотворение имеет форму направленного к неопределенному «ты» монолога, причем главное послание – призыв к сохранению верности – помещен в заключительном, отдельном стихе. Лирический субъект – Пан Когито – призывает к верности вопреки всему и к верности всему. Императив «Будь верен. Иди!» не определяет ведь «объекта» этой верности. Поэтому можно считать, что речь идет о верности как таковой. Одновременно Господин Когито предупреждает, что за это сохранение верности не следует ожидать никакой награды (в одной из строф говорится, что благодаря сохранению верности «добудешь благо, которого не добудешь»). Более того, если чего-то можно в связи с этим ожидать, то унижения и убийства. Такие «награды» вызывают некие ассоциации со словами Христа, который такие же преследования предвещал всем своим приверженцам. В отличие от христианской религии, которая после всяких страданий обещает всем, кто не отступит от христианской веры спасение и вечное счастье с Христом, послание Когито имеет пессимистический оттенок. Когито призывает к верности вопреки всему, к верности ради самой верности.

На уровне тематики речи в стихотворении можно выделить две части. В первой мы имеем дело со сводом советов-поучений для вписанного в текст, неопределенного «ты», к которому обращается Господин Когито. Все они относятся к будущему. Вторая же часть говорит о «предшественниках» «ты» (они определяются в стихотворении даже как его «предки») и о прошлом. Среди этих «предков» Пан Когито упоминает героев героических эпосов: Гильгамеша (полубога, героя аккадского эпоса), Гектора (троянского героя и главного защитника Трои, идеал воина) и Роланда (героя *Песни о Роланде*, который считался идеалом средневекового рыцаря). В стихотворении они определяются как защитники «царства без границ» (что относится в первую очередь к Роланду) и «города-

27

Перевод Ольги Чепельской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stihi.ru/2011/02/11/1464> (25.08.2013).

пепелища» (что относится прежде всего к Трое, взяв которую греки разграбили и сожгли).

Границей, а заодно и поворотной точкой между так вычлененными частями, является двустиише

будь начеку – когда свет на вершинах подаёт знак –
встань и иди
пока кровь вращает в груди твою тёмную звезду

с его световым горним «знаком» и воскрешающей евангельской формулой «встань и иди» (но это, надо понимать, воскрешение на подвиг и «в круг» героических «предков»).

Загадочным остается метафорическое определение «темная звезда». Поскольку она «помещена» в груди и поскольку ее «вращает кровь», то это, несомненно, поэтическое определение человеческого сердца. А прилагательное «темная» однозначно определяет внутреннее состояние и настроение. Темный «цвет» звезды-сердца свидетельствует об отчаянии и сомнениях, вызываемых окружающим «ты» (но равным образом и самого Господина Когито) миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ²⁸

Badyda Ewa

2008 *Świat barw – świat znaczeń w języku poezji Zbigniewa Herberta*. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk.

Balbus Stanisław

1993 *Temat historyczny jako pretekst i archetyp problematyki aktualnej (ostentacyjny apokryf współczesny)*. Przykład: Z. Herbert: *Tren Fortynbrasa* (1961). [W:] Balbus Stanisław, *Między stylami*. Kraków 1993.

Balcerzan Edward

1986 *Arkadyjczyk w obłożonym mieście (O poezji Zbigniewa Herberta)*. «Twórczość» 1986, nr 10, s. 39-71.

²⁸ Сохранено авторское оформление списка литературы (прим. ред. – Г.К.)

1988 *Poezja polska w latach 1939-1965. Część II: Ideologie artystyczne.* Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, Warszawa.

Barańczak Stanisław

1994 *Uciekinier z Utopii. O poezji Zbigniewa Herberta.* Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, Wrocław.

Bigaj Jan

2002 *Za przesłaniem Herberta nie pójdę.* [W:] *Herbert: poetyka, wartości i konteksty.* Pod redakcją Eugeniusza Czaplejewicza i Witolda Sadowskiego. Wydawnictwo DiG, Warszawa 2002, s. 165-172.

Bobryk Roman

1998 *Кто такой Пан Когито?* [W:] *Русская филология, 9. Сборник научных работ молодых филологов.* Tartu Ülikooli Kirjastus, Tartu/Tartu 1998, с. 211-219.

1999 *Siódmy anioł jest...* («*Siódmy anioł*» Herberta). „*Slavica Tergestina*” 7: *Studia Slavica.* Edited by Patrizia Deotto, Mila Nortman, Ivan Verč. Trieste 1999, pp. 145-163.

2003 *Dialog, ale czy rozmowa? «Prolog» Zbigniewa Herberta.* [W:] *Kultura tworzona w dialogu cywilizacji Europy.* Pod redakcją Lucyny Rożek i Szczepana Jabłońskiego OSPPE. Tom III. Wydawnictwo WSP Częstochowa, Częstochowa 2003, s. 39-49.

2004 *Попытка бегства из идеологии в поэзии Збигнева Херберта.* [W:] *Dzieło literackie jako dzieło literackie – Литературное произведение как литературное произведение.* Pod redakcją Anny Majmieskułow. Bydgoszcz 2004, s. 399-414.

2005a *Мотив тела в поэзии Збигнева Херберта.* [B:] *Телесный код в славянских культурах.* Ответственный редактор Н.В. Злыднева. Российская Академия Наук, Институт Славяноведения, Москва 2005, с. 107-119.

2005b *Miasta Zbigniewa Herberta.* [W:] *Miasto. Przestrzeń, topos, człowiek.* Redakcja naukowa: Adrian Gleń, Jacek Guttorow, Irena Jokiel. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, Opole, s. 103-115.

2006a *Dawno temu, czyli teraz... O roli motywów historycznych i mitologicznych w twórczości Zbigniewa Herberta.* [B:] *Studia Litteraria et Linguistica – Літературознавчі та лінгвістичні студії.* Redaktorzy: Roman Mnich i Nela Łysenko. Донецький Інститут Соціальної Освіти, Akademia Podlaska w Siedlcach,

-
- Siedlce – Donieck – Drohobycz, Wydawnictwo «Kolo» 2006, s. 161-174.
- 20066** *«Tren Fortynbrasa» – Herbertowski komentarz do tekstu Shakespeare'a.* [W:] *Kulturowe terytoria literatury.* Redakcja naukowa Sławomir Sobieraj. Przy współpracy Danuty Dobrowolskiej. Towarzystwo Literackie im. Aama Mickiewicza Oddział w Siedlcach, Siedlce 2006, s. 37-49.
- 2012** *„Pan od przyrody” i „Łobuzy od historii”. „Natura” wobec „kultury/cywilizacji” w poezji Zbigniewa Herberta* [W:] *Język – natura – cywilizacja.* Pod redakcją Elżbiety Laskowskiej, Beaty Morzyńskiej-Wrzosek, Wiesława Czechowskiego. Bydgoszcz 2012, s. 23-33. [Prace Komisji Językoznawczej Bydgoskiego Towarzystwa Naukowego nr XXII]

Brzozowski Jacek

- 1991** *„Pan Cogito” Zbigniewa Herberta.* Patria, Warszawa.

Cieślak Tomasz

- 1993** *Narzędzie i odrębne „ja”?* Motyw i symbolika ręki w twórczości Zbigniewa Herberta. „Prace Polonistyczne” seria XLVIII (1993), s. 173-16.

Czerniawski Adam

- 2000** *Fortynbras czy Hamlet? – czyli o autonomii poezji.* „Ethos” 2000, nr 4 (54), s. 157-162.

Forstner Dorothea OSB

- 2001** *Świat symboliki chrześcijańskiej. Leksykon.* Wydanie II. Przekład i opracowanie Wanda Zakrzewska, Paweł Pachciarek, Ryszard Turzyński. Wybór i opracowanie ilustracji Beata Kulesza-Damaziak. Komentarz do ilustracji Małgorzata Wrześniak. Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa.

Herbert Zbigniew

- 1971** *Wiersze zebrane.* «Czytelnik», Warszawa.
- 1992a** *Raport z oblężonego Miasta i inne wiersze.* Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 1992b** *Elegia na odejście.* Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 1992b** *Rovigo.* Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.

- 1993 *Pan Cogito*. Wydanie 2 poprawione. Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 1995 *Studium przedmiotu*. Wydanie 2 poprawione. Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 1996 *Napis*. Wydanie II. Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 1997a *Elegia na odejście*. Wydanie II. Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 1997b *Hermes, pies i gwiazda*. Wydanie II poprawione. Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 1998 *Epilog burzy*. Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.
- 2008 *Wiersze zebrane*. Opracowanie edytorskie Ryszard Krynicki. Wydawnictwo a5. Kraków.

Kamińska Anna

- 1974 *Okrucieństwo mitu*. [W:] Kamińska Anna, *Od Leśmiana. Najpiękniejsze wiersze polskie*. Warszawa 1974, s. 267-273.

Karasek Krzysztof

- 1997 „*Strzeż się oschłości serca*”. *Uwagi na temat jednego wersu Herberta*. „*Życie*” 1997, nr 161, s. 11.

Kłosiński Krzysztof

- 2005 *Poezja zaimków. O „Przesłaniu Pana Cogito” Zbigniewa Herberta*. [W:] *Liryka polska XX wieku. Analizy i interpretacje*. Seria 3. Redakcja Włodzimierz Wójcik, Joanna Kisiel. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2005, s. 105-113.

Kobielus Stanisław

- 2002 *Bestiarium chrześcijańskie. Zwierzęta w symbolice i interpretacji. Starożytność i średniowiecze*. Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa.

Kowalczyk Andrzej S.

- 1983 *Złote runo nicości. „Przesłanie Pana Cogito” – próba lektury*. „*Tygodnik Powszechny*” 1983, nr 11.

Legeżyńska Anna

- 1996 *Dom i poetycka bezdomność w liryce współczesnej*. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Leksykon...

1992 *Leksykon symboli*. Opracowała Marianne Oesterreicher-Mollwo. Przełożył Jerzy Prokopiuk. Wydawnictwo ROK Corporation S.A., Warszawa.

Lurker Manfred

1989 *Słownik obrazów i symboli biblijnych*. Tłumaczył bp Kazimierz Romaniuk. «Pallotinum», Poznań.

1994 *Przesłanie symboli w mitach, kulturach i religiach*. Przełożył Ryszard Wojnakowski. «Znak», Kraków.

Łukasiewicz Jacek

1995 *Poezja Zbigniewa Herberta*. Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, Warszawa.

2001 *Herbert*. Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław.

Maciejewski Janusz

1992 *Kerygmaticzna interpretacja "Przesłania Pana Cogito"*. „Polonistyka” 1992, nr 7-8, s. 399-410.

Mikołajczak Małgorzata

2002 *Od Orfeusza do Arijona. Pieśń i muzyka w świecie poetyckim Zbigniewa Herberta*. „Pamiętnik Literacki” 2002, z. 2, s. 137-151

2004 *"W cieniu heksametru"*. Interpretacje wierszy Zbigniewa Herberta. Uniwersytet Zielonogórski, Zielona Góra.

Nieukerken Arent van

1999 *„Mademoiselle Corday”*. *Losy poezji publicznej w epoce nieufności*. „Roczniki Humanistyczne” 1999, zeszyt 1, s. 141-160.

Opacka-Walasek Danuta

1996 *„... pozostać wiernym niepewnej jasności”*. *Wybrane problemy poezji Zbigniewa Herberta*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice.

2001 *Czytając Herberta*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice.

Pawelec Dariusz

2009 *„Bądź wierny Idź”*. [W:] *Niepewna jasność tekstu. Szkice o twórczości Zbigniewa Herberta 1998-2008*.

2011 *Romantyczne tropy do lektury „Przesłania Pana Cogito” Zbigniewa Herberta*. [W:] *Bór nici. Wątki klasyczne i romantyczne w*

twórczości Zbigniewa Herberta. Wydawnictwo Platan, Kraków 2011, s. 169-182.

Portret...

2005 *Portret z początku wieku. Twórczość Zbigniewa Herberta – kontynuacje i rewizje*. Studia pod redakcją Wojciecha Ligęzy, przy współudziale Magdaleny Cichej. Gaudium, Lublin.

Ruszar Józef Maria

2004 *Stróż brata swego. Zasada odpowiedzialności w liryce Zbigniewa Herberta*. Posłowiem opatrzył ks. abp. Józef Życiński. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Skłodowskiej-Curie, Lublin.

Sławiński Janusz

1998 *Tren Fortynbrasa*. [W:] *Poznanie Herberta*. Wybór i wstęp Andrzej Franaszek. Wydawnictwo Literackie, Kraków 1998, s. 359-376. [статья впервые печаталась в: „Miesięcznik Literacki” 1967, nr 1]

Słownik teologii...

1994 *Słownik teologii biblijnej*. Dzieło zbiorowe. Redaktor naczelny Xavier Leon-Dufour. Tłumaczył i opracował bp. Kazimierz Romaniuk. Pallotinum, Poznań.

Słownik stereotypów...

1996 *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński. Zastępca redaktora: Stanisława Niebrzegowska. Tom I: *Kosmos*. *: *niebo – światła niebieskie – ogień – kamienie*. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin.

Wiatr Aneta

2001 *Zbigniewa Herberta przygody z muzyką*. „Twórczość” 2001, nr 1, s. 44-79.

Workowski Adam

2010 *Maska i tożsamość. Związek Pana Cogito i Zbigniewa Herberta*. [W:] *Pojęcia kielkujące z rzeczy. Filozoficzne inspiracje twórczości Zbigniewa Herberta*. Wydawnictwo Platan, Kraków 2010, s. 171-199.

Wyka Kazimierz

1977 „*Tren Fortynbrasa*”. [W:] Wyka Kazimierz, *Rzecz wyobraźni*.
Wydanie II. Wydawnictwo Literackie, Kraków 1977, s. 608-613.

Zeler Bogdan

2000 *Zwycięstwo Hamleta*. („*Tren Fortynbrasa*” Z. Herberta). [W:] *Poezja polska. Interpretacje*. Pod redakcją Krystyny Heskiej-Kwaśniewicz i Bogdana Zelera. Katowice 2000, s. 394-399.

Żebrowski Rafał

2011 *Zbigniew Herbert: „Kamień na którym mnie urodzono”*. Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa.

Астафьева Наталья Г., Британишский Владимир Л.

2000 *Польские поэты XX века: Антология*. Том 2. Алетейя, Санкт-Петербург. 1000 с.

Библия...

2001 *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и словарем. Российское Библейское Общество, Москва 2001.

Ключ...

1982 *Ключ к пониманию Священного Писания*. Издательство «Жизнь с Богом», Bruxelles. – 698 с.

Славянские древности...

1999 *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. Том 2: Д – К (*Крошки*). «Международные отношения», Москва.

Холл Джеймс

1996 *Словарь сюжетов и символов в искусстве*. Перевод с английского и вступительная статья Александра Майкапара, КРОН-ПРЕСС, Москва. – 656 с.

Энциклопедия символов...

1999 *Энциклопедия символов, знаков, эмблем*. «Локид-Миф», Москва. – 576 с.

